

Русские рестораны, трактиры и музыканты межвоенного Белграда¹

М. Голубович

В период между двумя мировыми войнами Белград рос и развивался, также как и культурная жизнь города, которая была на подъеме. Одной из характерных особенностей межвоенной югославской столицы, о которой писали даже европейские писатели-путешественники и иностранная пресса, были кабаки (на сербском - *кафана*) и ночная жизнь города. Значительную роль в этой индустрии сыграли русские эмигранты, приехавшие в Белград после Гражданской войны в начале 1920-х годов. В данной статье речь пойдет о русских трактирах и ресторанах в межвоенном Белграде как о малоизученном в сербской историографии развлекательном феномене, а также о формах популярного музицирования, которое прибыло с русскими – русском цыганском романсе и оркестрах балалаек. При написании статьи использовались мемуарная литература, эмигрантская и белградская пресса того времени и архивные материалы.

Ключевые слова: русская эмиграция, межвоенный Белград, ресторан, трактир, „Казбек“, русский цыганский романс, балалайка, Ольга Янчевецкая

Russian restaurants, taverns, and musicians of interwar Belgrade

Marija Golubović

Between the two world wars, Belgrade developed and expanded, while the cultural life of the city was on the rise. One of the characteristics of the interwar Yugoslav capital,

¹ Материалы статьи были впервые опубликованы на сербском языке в 2021 году. См.: [19].

which even European travel writers and the foreign press wrote about, were the taverns (in Serbian *kafane*) and the nightlife of the city. A significant role in this entertainment was played by Russian emigrants who came to Belgrade after the Civil War in the early twenties. This article will focus on Russian taverns and restaurants in interwar Belgrade as little-known facilities in Serbian historiography, as well as on the forms of popular music-making that arrived with Russians – Russian gypsy romance and balalaika choirs. This essay is based on contemporaries' memoirs, emigrant and Belgrade press and archival documents.

Keywords: Russian emigration, interwar Belgrade, restaurant, taverns, „Kazbek“, Russian gypsy romance, balalaika, Olga Yanchevetskaya

*Путейные заведения
в сербской и русской традициях*

Заведения, в которых употребляются алкогольные напитки, в славянских землях имеют давнюю традицию и еще с XIX века привлекают внимание исследователей. Следы существования корчм встречаются у южных славян, чехов, поляков, литовцев (жемайтов), у прибалтийских и новгородских славян и в Киевской Руси уже в XI веке [7, с. 29]. Название этого заведения имеет схожие формы в большинстве славянских языков: по-болгарски – *кръчма*, по-сербски – *крчма*, по-хорватски и по-чешски – *krčma*, по-польски – *karczma*, по-русски – *корчма*. В те времена они не связывались исключительно с алкоголем и развлечением, это были места, в которых люди просто встречались, в которых решались дела и обнародовались государевы указы. Интерес вызывает то, что переломный момент в истории потребления алкоголя у сербов и русских произошел с разницей в нескольких десятилетий. Первая *кафана* в Белграде открылась в 1522 году [18, с. 996], всего через год после того, как турки, под предводительством султана Сулеймана Великолепного, взяли Белград в 1521 году. Надо, однако, заметить, что в первых *кафанах* (от турецкого

слова *kahvehana*), имевших в этом регионе мусульманское происхождение, в первое время употреблялись только кофе и наргиле, а употребление алкоголя строго запрещалось. В этом, в первое время, и состояла главная разница между кафаной и корчмой [33, с. 270]. На основании этого можно сделать вывод, что то, что мы сегодня подразумеваем под *кафаной*, резко отличается от того, что это заведение представляло собой на первом этапе своего существования.

Около 1555 года царь Иван Грозный в Москве восстановил государственную монополию над производством и продажей спиртных напитков, вследствие чего был издан приказ прекратить продажу алкоголя в корчмах и установить *царевы кабаки* [7, с. 49-50]. Этимология слова *кабак* все еще не восстановлена; это слово, предположительно, может происходить из немецкого или татарского языков [9, с.148; 7, с.49; 3, с.93]. *Кабак*, как заведение, соответствует сербской *кафане* XIX и первой половины XX веков. В течение этого периода, а особенно на границе двух столетий, *кафаны* в сербской среде являлись, по мнению писателя Бранислава Нушича, „единственным выражением“ общественной жизни в Сербии [27, с.57]. Историк Дубравка Стоянович оценила *кафаны* как „первое демократическое пространство“ в котором все были равными, не взирая на общественные, культурные и политические разности [30, с.265].

О важности заведений, в которых потребляются спиртные напитки, свидетельствуют многочисленные термины, нередко использующиеся как синонимы, хотя их семантическое нюансирование не является случайным и указывает на разницу, характеризующую их отдельные типы. В сербской среде чаще всего встречаются термины *кафана*, *механа* и *гостионица*, а в России это *кабаки*, *рестораны* и *трактиры*. Хорошо известно, что в этих русских заведениях уже в начале XIX века играла музыка. Число таких заведений в России выросло в последних десятилетиях XIX века благодаря большим экономическим реформам, проведенным императором

Александром II. Эти реформы поспособствовали сильному росту экономики страны. Характерными являлись выступления русских хоров, ансамблей, исполняющих старинные русские и цыганские романсы, сольных исполнителей под аккомпанемент гитары. Исполнялись так же и произведения классической музыки [6]. Русская музыкальная программа сильно отличалась от сербской, поскольку в Сербии того времени концерты классической музыки проходили в кафанах и в гостиницах потому, что не было концертных залов.

*Русские рестораны или сербские кафаны
с русской музыкой?*

В сербской историографии примерно в последние двадцать лет возник большой интерес к кафанам как важному фактору развития сербского общества. На эту тему появился целый ряд исследовательских работ, сборников и монографий, но вклад русских в этой сфере остался вне рамок интереса.² Богатейшие материалы для изучения этой темы хранятся в архивных собраниях и мемуарах, а также в сербской, и особенно русской эмигрантской периодике. Мемуарные записи о жизни Белграда в межвоенный период изредка упоминают некоторые русские рестораны, чаще всего *Русскую семью* (*Русскую лиру*) и *Казбек*.³ Хотя очень трудно установить точное количество русских ресторанов в межвоенном Белграде, достоверно известно о существовании трех больших ресторанов и свыше тридцати разных русских кантин и буфетов [8, с.17].

Если говорить о русских ресторанах, сперва необходимо уточнить имеются ли в виду рестораны, принадлежащие русским владельцам, или это те рестораны, в которых публика была преимущественно русской, или заведения, ориентирующиеся преимущественно на русскую музыку. Правда, это трудно сделать, так как вла-

² См., например: [11; 17; 21; 23; 29; 30].

³ См., например: [17, с.203; 26, с.112; 28, с.84; 32, с.14].

дельцы часто менялись, о публике известно немного, русская кухня привлекла большое внимание и стала популярной, а русские музыканты пользовались большим успехом в сербской среде. Хотя это и не может быть полностью надежным способом их определения, мы склонны считать русскими ресторанами те, о которых писалось в русской эмигрантской периодике, так как русские жили в определенной степени обособлено, как „общество в обществе“. В начале 1924 года Константин Шумский, сотрудник художественного отдела газеты *Новое время* писал, что почти во всех хороших, а также и во многих сербских ресторанах играли русские балалайки. Он писал, что не только русские (что было ожидаемо), но в основном сербы увлеченно слушают балалайки и требуют соблюдения полной тишины во время исполнения музыкальных номеров.⁴ Русские кардинально изменили ночную жизнь „спокойной, старой“ Сербии, в которой „ночь начиналась в девять вечера, утро в 6 часов утра“. В Белграде с приходом эмиграции ночь ожила, танцы, пение и развлечения продолжались до поздней ночи. В каждом хорошем ресторане обязательно была маленькая сцена, на которой выступал русский театр миниатюры, а в худшем случае выступали русские балалайки.⁵ Примером затруднения определения „идентитета“ ресторана/кафаны может послужить ресторан „Загреб“ (ул. Дечанска 5), в котором в середине двадцатых годов выступал оркестр балалаек А. Н. Кузменка; в этом же месте с 1926 по 1929 год базировался русский театр „Би-Ба-Бо“ Яши Яковлева, который действовал как театр-кабаре [13, с.107].

Лучшим показателем открытости или закрытости определенного общества к „другому“ или „новому“ были города. Это хорошо прослеживается на примере развития *кафанов* Белграда до и после Первой мировой вой-

⁴ См.: Конст. Шум. Балалаечники // Новое время. №844. 19 февраля 1924. С. 3.

⁵ См.: Новое время. №1832. 12 июня 1927. С. 3.

ны, так как светская жизнь столицы оказала влияние и на эти заведения. До Первой мировой войны роль, которую в эмансипации среды играли *кафаны*, проявлялась в первую очередь посредством названий, которые обыкновенным жителям столицы были почти полностью неизвестны. В то время славились белградские кафаны „Босфор“ и „Дарданеллы“ [31, с.46]. По окончании войны благодаря европейскому влиянию появились еще „Люксор“, „Ексцельсиор“, „Клеридж“, „Сплендид“ и другие подобные.

Социолог Рэй Ольденбург в своей монографии называл рестораны „лучшими третьими местами“, самыми важными после семьи, которая занимает первое место, и работы (второе место). В межвоенное время это были места, в которые люди заходили в свободное от работы время, в них веселились, кутили, но в то же время тут обменивались информацией разного рода и новостями. Возможно, в первые годы пребывания русских эмигрантов в Белграде это были именно те места, в которых они встречались, так как духовный центр – церковь Святой Троицы на Ташмайдане – был построен в 1924, а культурный – Русский дом имени Императора Николая II – только в 1933 году. Очень возможно, что на присутствие русских в ресторанной жизни и торговле вообще, повлиял закон о торговле и судоходстве, который Российская империя подписала с Королевством Сербии в Белграде 15 февраля 1907 года. В соответствии с этим договором подданные обоих государств имели право на территории другого иметь движимое и недвижимое имущество, в соответствии с законами того государства.⁶ Скорее всего, это и было причиной, по которой эмигранты часто в новой среде решались заниматься своим прежним

⁶ Закон о уговору о трговини и пловидби између Србије и Русије, Москва-Србија, Београд-Русија. Том 3: Друштвено-политичке и културне везе 1878–1917, приредили Андреј Леонидович Шемјакин, Екатерина В. Иванова, Мирослав Перишић, Алексеј Тимофејев, Горан Милорадовић, (Москва: Главное архивное управление города Москвы-Београд: Архив Србије, 2012). С. 539–546.

делом. С 1924 года заметно увеличилась их деятельность, связанная с ведением ресторанов, трактиров и так далее.⁷

По данным периодики, деятельность русских можно связать со следующими ресторанами и кафанами (трактирами): *Завалишина* (ул. Поенкареова 7)⁸; *Русский сад* и *Самарканд* (ул. Влајковићева 5); *Кавказ* (ул. Теразије 8); *Бели лабуд* (*Белый лебедь*) (ул. Краљице Наталије 46); *Казбек* (ул. Скадарска, на месте бывшей кафаны *Вук Караџић*, позднее на ул. Краља Милана 29, на месте где сегодня находится ресторан *Полет*); *Русская семья/Русский ресторан/ Русская лира* (ул. Сремска, позже на ул. Дворска 11); *Русский уголок* (ул. Милоша Великог 15); *Жар-птица* (угол ул. Краља Милана и Његошеве); *Мон Перо* (ул. Дворска 1)⁹; *Яр* (Палата Люксор, когда то ул. Балканска 10, сегодня это дом № 4); *Мимоза* (ул. Коларчева 1). Встречаются и буфеты, которые, как раньше было принято в России, назывались именами своих владельцев: *Данило К. Альченко*, *Александр Терској*, *Владимир Пивоваров*, *Иван Ритиков*, *Василије Феофанов*.¹⁰

Русская семья, которая одно время называлась *Русский ресторан*, а затем и *Русская лира*, была одним из самых известных и самых долговечных русских ресторанов межвоенного Белграда. В нем выступал знаменитый оркестр балалаек Георгия Черноярова, а цыганские песни исполняли Анна Степовая (славилась своими *Песнями улицы*), Вера Андреева, Елена Смолякова и оперный певец Василий Шумский. Этот ресторан славился своими субботниками – концертами, которые проходили по субботам. Программа субботников включала две разноплановые составляющие. В первой части исполнялся художественный репертуар, а вторая часть была легкого

⁷ Историјски архив Београда (ИАБ). Фонд 509. Трговачка комора у Београду (ТКБ), Руси трговци (РТ). К. 1–5.

⁸ Ныне улица Македонска.

⁹ Ныне улица Драгослава Јовановића.

¹⁰ ИАБ, ТКБ, РТ, к. 2 [1924–1926 г.], к.3 [1927–1928 г.] и к.5 [1931 г.].

и увеселительного характера. В программу обязательно входили цыганские романсы и старинные русские песни. Кроме многочисленных русских исполнителей, в субботниках иногда, кроме русских, участвовали и члены Оперы Народного театра, среди которых были и сербы: Неонила Григорьевна Волевачь, Георгий Матвеевич Юреньев, Ксения Ефимовна Роговская, Живоин Томич, Елизавета-Лиза Ивановна Попова, Александр Аркадиевич Балабан и многие другие.¹¹ Со временем, субботники стали приобретать все большую популярность среди сербов и иностранцев, о чем свидетельствует русская периодика.

Кроме того, что трактир *Самарканд* упоминается в русской печати с ноября 1924 года, он упоминается и в фонде документов Торговой палаты города Белграда, и поэтому является одним из редких заведений, про которое можно с полной уверенностью утверждать, что оно было русским в полном смысле этого слова. Георгий Войтенко, который этим же делом занимался и в России, от Управления города Белграда получил неограниченное право продавать в розлив спиртные напитки в своем ресторане, который мог находиться в любом месте на территории Королевства сербов, хорватов и словенцев (Краљевина СХС).¹² *Самарканд* был обустроен в стиле старых русских трактиров¹³ и отличался особой развлекательной программой. Тут свои художественные спектакли играли группы *Ягодка*, *Фокс* и *Маленький театр*; цыганские песни и старинные русские романсы исполнял Сергей Франк, который в то же время развле-

¹¹ См., например: Новое время №646 от 23 июня 1923; №651 от 30 июня 1923; №1088 от 11 декабря 1924.

¹² ИАБ, ТКБ, РТ, к.3 [1928. г.], Молба Ђорђа Војтенка Трговачкој комори Београд, 20. новембра 1924; ИАБ, ТКБ, РТ, к.5, [1931 г.], А-Л, Потврда од Управе града Београда на лично неограничено право за точење алкохола.

¹³ См.: Новое время. №1071. 20 ноября 1924. С. 3.

кал публику веселыми рассказами и анекдотами.¹⁴ В выходные и накануне праздников давались скетчи, пародии, комедии и оперетты, но тут сразу можно задаться вопросом в какой степени этот ресторан мог привлечь внимание сербской публики, поскольку вся программа была на русском языке. Сцена в *Самарканде* замерла уже в 1926 году, когда сменился владелец [4, с.200].

Самый знаменитый русский ресторан межвоенного Белграда был *Казбек*, и принадлежал он некоему Рубену Николаевичу Ротинову, уроженцу Донской области. Ресторан был открыт в ноябре 1931 года и, судя по воспоминаниям современников, очень быстро завоевал репутацию одного из самых лучших ночных ресторанов Европы [26, с.112]. Тут публика могла слушать оркестры балалаек, русские и цыганские песни в исполнении русских певцов и певиц – Ольги Янчевецкой, Юрия Морфессия, а также и русских оперных певцов, которые любили повеселиться с друзьями. Ресторан был таким необыкновенным явлением, что в газете *Време* (Время) в 1932 году была напечатана обширная статья под заглавием „Казбек – ночной центр Белграда“, в которой ресторан был описан в деталях. Этот факт ярко показывает статус *Казбека* как места развлечения, так как в то время не было принято в газетах писать о ресторанах и досуге. *Казбек* был „ни дом, ни сарай, ни подвал“, а скорее всего, – “нечто покрытое крышей и чем-то окруженное”. У входа стоял казак в казацком одеянии, пропускавший гостей в ресторан. Около старых деревянных столов роль стульев играли пивные бочонки, на которые были приделаны доски. Потолок был обит пестрым полотном, с которого свисали бумажные лампы, но и это не могло полностью скрыть ветхие балки потолка. Несмотря на такой вид, *Казбек* привлекал более состоя-

¹⁴ См., например: Дебют 'Фокса // Новое время. № 1098. 23 декабря 1924. С. 3; На вечере в Самарканде // Новое время. №1101. 26 декабря 1924. С. 3.

тельную публику и всегда был полон, несмотря на экономический кризис, который в начале тридцатых годов почувствовался и в Югославии. Иногда случались драки и ссоры, что только придавало ему особый шарм.¹⁵ По словам Ольги Янчевецкой, выступавшей в *Казбеке*, когда он уже переехал на улицу Краля Милана (Короля Милана), в ресторане всегда царил порядок, а гости – чаще всего сербы- русофилы, любители русской музыки, развлекались в семейной атмосфере [20, с.73-74].

Следы былой богемной жизни и балалаек

Важную роль при оценке кафаны или ресторана имело его местонахождение. Звучит, может, парадоксально, но в России большой популярностью пользовались именно загородные рестораны, в которых можно было кутить всю ночь напролет. В Москве такую популярность приобрели два ресторана. Один из которых – знаменитый московский *Яр*, открывшийся в 1826 году и считающийся одним из самых старых ресторанов города. Вместе с пригородной *Стрельной* [2, с.352], *Яр* на протяжении XIX и в начале XX веков был средоточием богемной жизни и одним из главных центров исполнения цыганской музыки. В московский *Яр* заходила публика, принадлежащая русским культурным кругам, а имя этого ресторана закрепилось в литературных произведениях и песнях. Самая знаменитая из них – *Эй ямщик, гони-ка к Яру* – стала одним из сопровождающих мотивов русской дореволюционной богемной жизни. Культовая популярность *Яра* сохранилась и в эмигрантских кругах. Скажем только, что в Париже, крупнейшем центре русского зарубежья, все началось с первого цыганского кабаре *Шато Каво Коказиен (Кавказкий погребок)*, который с 22 октября 1922 года находился на улице Пигаль, в квартале, славившемся ночными клубами и разгульной жизнью. Уже в следующем году недалеко от него открылись *Яр* и *Тройка*. Так образовался “русский

¹⁵ См.: Казбек – ноћни центар Београда // Време. 1 април 1932. С. 6.

треугольник” на Пигале. Благодаря их успеху, в последующие годы открываются *Русский бистро*, *Казбек*, *Золотой петушок*, *Медведь*, *Домик русских художников* и другие. Париж восхищался „русскими ночами“, и постепенно целый район от Пигала до Клиши и Монмартра стал „русским“ [1, с.18].

В Белграде существовал хор и оркестр балалаек *Яр* под управлением Добровольского, а также и ресторан-варьете *Русский Яр*, который в конце двадцатых годов открылся в палате „Люксор“. Белградский *Яр* находился в самом центре города, на плато Теразие, в начале Балканской улицы и, насколько можно судить, по содержанию своих программ не очень отставал от своего русского „предка“, хотя и являлся его более современной версией. В этом ресторане особое внимание уделялось кулинарии. Во время обеда и ужина тут играл „первый в городе салонный оркестр и американский джаз“ под управлением Бориса Игнятева; художественная программа начиналась около одиннадцати или полдвенадцатого вечера.¹⁶ В начале тридцатых годов ресторан в столичных газетах упоминался как варьете *Русский Яр*. Это был самый шикарный ночной ресторан столицы, в котором зал все время проветривался, и в котором выступали исполнительницы-красавицы. Семейный „дансинг“ с джаз музыкой продолжался до утренней зари.¹⁷

Начиная с мая и до осенних месяцев 1930 года, в газете *Время* упоминается русский ресторан *Стрельна*. Об этом ресторане почти нет никаких данных, кроме того, что сначала он назывался *Боров парк* (судя по печати он так назывался и позже в тридцатые годы) и в нем каждый вечер проходила художественная программа.¹⁸ *Боров парк* находился на улице Короля Александра 246

¹⁶ См.: Русский Яр // Новое время. №2538. 15 октября 1929. С. 3.

¹⁷ См.: Београдски живот. Вариете Руски Јар // Правда. №10313. 23 јул 1933. С. 20; Београдски живот. Вариете Руски Јар // Правда. №10384. 2 октобар 1933. С. 14.

¹⁸ См.: Данас. Руски ресторан `Стрельна` пређе Боров парк // Време. №3009. 15 мај 1930. С. 9.

(недалеко от современного ресторана *Липов лад*), а в его саду на протяжении всего 1928 года действовал частный театр того же названия, что и ресторан.¹⁹ Текст напечатанный в газете *Јутро* красочно описывает как в начале тридцатых годов выглядела эта часть города: „Чем дальше идем (по улице Короля Александра) тем яснее можно узнать признаки мест, в которых живут рабочие. Дома становятся все меньше, большие дома полностью пропадают. Изредка встречаются красивые особняки, построенные людьми, желавшими избежать городской толчеи. Мы немного удивлены вывеской, которую заметили – тут, в бедном квартале, в котором живут белградские пролетарии, расположен роскошный бар *Боров парк*, в котором до поздней ночи весело проводят время столичные богачи и бездельники“ [14, с.57]. Так же как это было и в *Јре*, так и здесь существовал джаз оркестр балалаек *Стрельна* под управлением Николая Лисенка. В газетах время от времени печатались объявления о поиске новых членов оркестра, но очень трудно установить, где находилась база ансамбля, поскольку он выступал в Белграде, Сплите, Шибенике и Загребе. Объявления, появляющиеся в печати, привлекают внимание к составу этого ансамбля. В состав *Стрельны* входили саксофон, труба, кларнет, две гармоны, банджо, пианино, трое солистов, певица, танцовщица, исполняющая русские народные танцы, а так же и русские и модные песни.²⁰ Позже состав был немного иным: одна певица, саксофон, кларнет, труба, гармошка, банджо, пианино и „шлагверк“ (ударные инструмен-

¹⁹ См.: Где је ваздушна бања // Време. №1217. 10 мај 1925. С. 7; Друштвени живот. Позориште `Боров парк` // Правда. №174. 1 јул 1928. С. 10.

²⁰ В объявлении говорится, что джазовый оркестр балалаек состоял из десяти человек, но остается неясным, кто были солисты. См.: Мали огласи. Музичке капеле. Цаз балалајка хор `Стрельна` // Време. №5022. 3 јануар 1936. С. 12.

ты).²¹ Учитывая, что это был стандартный набор инструментов джазового оркестра [12], можно задать вопрос: а почему *Стрельна* называлась джаз балалайка оркестром, если в ней вообще не было балалаек? В печати второй половины тридцатых годов встречаются и разные „джаз“ тамбура²² оркестры, что показывает до какой степени музыканты были вынуждены подстраиваться под вкус публики того времени, очарованной популярными жанрами попавшими в столицу с Запада. Возможно, полное название оркестра – джаз балалайка оркестр *Стрельна* - имело целью обратить внимание на русскую репертуарную специфику группы или на национальную принадлежность членов оркестра.

Балалайку, русский народный инструмент, в сербскую среду принесли русские эмигранты, и она вскоре очаровала местную публику. В 1924 году в Белграде было свыше десяти русских оркестров, в которых балалайка играла ведущую роль. Исполнительский уровень был очень высок, а богатый репертуар охватывал широкий спектр музыкальных произведений: с классической музыки до русских цыганских романсов, старинных песен и популярных жанров того времени.²³ Особо отличались оркестры под руководством Черноярова, Добровольского и Кузменко, а также Островского, Квятовского, Задерацкого, Собченко и Шаповаленка. Одной из главных характеристик был и внешний вид членов оркестров балалаек. Члены оркестра Черноярова были одеты в стилизованный русский костюм – белые вышитые рубахи и

²¹ См.: Мали огласи. Музичке капеле. Првокласни цаз-балалајка хор `Стрельна` // Време. №5410. 6 фебруар 1937. С. 15.

²² Тамбура или тамбурица – инструмент, принадлежащий к семейству лютней с длинным грифом, популярный в Южной и Центральной Европе, особенно в Сербии (в основном в Воеводине), Боснии и Герцеговине, Хорватии (где это национальный струнный инструмент), Словении и Венгрии. По способу игры и звуку напоминает мандолину или балалайку.

²³ См.: С.И. Театр и музыка. Итоги года // Новое время. №816. 14 января 1924. С. 5.

синие шаровары.²⁴ Выступления балалаечников возвращали русских эмигрантов в прошлое, а сербы любили слушать, как они играют и поют песни о Кудеяре и двенадцати разбойниках, о широкой Волге и о Стеньке Разине, и о том, как русские не могут жить без шампанского и песен [8, с.17].

О значении русской балалайки в сербской среде наглядно говорит текст под заглавием *Наша балалайка* (*Наша балалајка*) опубликованный в журнале *Радио Београд*. По поводу спора, касающегося места тамбуры и музыки, исполняемой на этом инструменте между Воеводиной и центральными и южными краями страны, автор пишет: „когда на тамбуре умело играют, этот инструмент ничуть не уступает русской балалайке, которая пользуется всеобщими симпатиями не только нашей публики, но и всего мира. Тамбура – это наша балалайка (...)“.²⁵ Значит ли это, что в межвоенном Белграде русская балалайка „одолела“ тамбуру и нужно было ее прокламировать, сравнивая ее с русским инструментом? Этим вопросом стоит заняться более пристально, так как по отзывам в столичной прессе и по мемуарным источникам складывается впечатление, что популярностью балалайка превосходила тамбуру.

Приведем и пример ресторана под названием *Балалайка*, однако в этом случае название ресторана не соответствует национальности владельца. Данных об этом ресторане сохранилось мало, и хотя название намекает на русскую национальность владельца, архивные источники показали, что владельцем был Савва Й. Раячич из Хорватии [11, с.115].²⁶ Именно с этим рестораном связаны два случая из января 1941 года, когда две русские певицы были оштрафованы из-за того, что выпи-

²⁴ См.: К.Ш. Чернояров // Новое время. №1014. 14 сентября 1924. С. 3.

²⁵ См.: *Наша балалајка* // Радио Београд, год. VIII бр.17. 26 апр. 1936. С. 8.

²⁶ См. также: ИАБ, ТКБ, к. 31; Дозвола Сави Ј. Рајачићу да може да обавља угоститељску радњу. 11 октобар 1940.

вали с гостями алкоголь.²⁷ Поведение русских в разладе с „моральным и хозяйственным способом жизни“ было одной из тех вещей, в которых их упрекали по приезду в Королевство сербов, хорватов и словенцев, особо выделяя игры в карты, лотереи и другие азартные игры.²⁸

*Русский романс или как „благовоспитанные“
господа били хрустальные бокалы*

Благодаря русским эмигрантам, по всему миру как пожар стала распространяться популярная песня, завоевавшая симпатии слушателей – русский цыганский романс. Эта песня является наследием субэтнической группы русских цыган, самых многочисленных на территории бывшей Российской империи. Они, наряду с испанскими, венгерскими и румынскими цыганами, представляют из себя выдающийся очаг цыганской музыки. Для них характерно отсутствие единства в сфере музыки, так как их творчество и исполнение полностью зависят от их географического местонахождения и традиций народов из их окружения [15]. Музыка балканских цыган в большой степени находилась под влиянием Востока, из-за чего ее распространению в городской среде способствовала численность турецкого населения [16]. Непосредственно перед началом Первой мировой войны цыгане в Сербию попадали с трех сторон – из Турции, Румынии и Венгрии [24]. Музыканты цыгане в Сербии были своеобразными „ремесленниками“. Они свой „товар“ продавали, и ремесло уподобляли в соответствии со спросом. В отличие от русских цыган, оказавших существенное влияние на развитие городской музыки в XIX веке в России, сербские цыгане, по мнению этнолога, фольклориста и историка Тихомира Джорджевича, в Сербии только исполняли существую-

²⁷ ИАБ, УГБ, кут. 2812 [1941. г], ф. 2, п. 46; ИАБ, УГБ, кут. 2812, [1941. г], ф. 2, п. 41.

²⁸ Архив Југославије (АЈ), Фонд 69, Министарство вера Краљевине СХС (МВ КСХС), фасц.175, бр. ј. оп. 276, Извештај Кабинета Министра финансија Бр.4051 од 16 јуна 1922.

щие музыкальные произведения и не создали ничего нового. Музыка развивалась в военных оркестрах, в певческих обществах, театрах и тому подобных местах [24, с.79]. В годы перед Балканскими войнами и перед Первой мировой войной, цыгане играли на скрипках и на разных ударных инструментах (барабан, бубны и тому подобное), а позже в оркестр попали и некоторые духовые инструменты. Их вклад в развитие не оценивался положительно потому, что они в примитивную народную мелодию вносили различные изменения, импровизации были несоответствующие, и прибавляли они неподходящую аранжировку к мелодии [25]. Музыка такого рода исполнялась в белградских кафанах накануне упомянутых войн.

Одно из самых важных различий в музыке сербских и русских цыган заключалось в том, что музыка первых была под сильным влиянием Востока, а другая, как это было и с сербской старой городской музыкой, основывалась на традиционной западноевропейской ладовой системе и гармонии [15, с.28; 22, с.75-76]. Кроме того, сербская среда, в которой со второй половины XIX и начала XX веков певческие общества представляли важный элемент в музыкальной жизни населения, была плодородной почвой, которая могла принять такие вокальные формы какими был русский романс.

Возможно, цыгане вообще и не проникли бы в культурную жизнь России, не привези граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский в 1774 из Валахии в Москву первую цыганскую капеллу, которая сыграет видную роль в профессионализации цыганской музыки в России. В течение последующего столетия русские писатели, начиная с великого поэта Александра Сергеевича Пушкина, затем Ивана Сергеевича Тургенева, Федора Михайловича Достоевского и Льва Николаевича Толстого, были очарованы „цыганерством“. В романтизме „цыганское“ помогало касаться труднодоступных, скрытых пружин жизни, острее обнажать социальные конфликты, постигать невнятный язык карамазовского в чело-

веке и природу его романтических настроений“ [10, с.24].

Поскольку цыгане воспринимали народную музыку территории, на которой находились, встает вопрос о том, как родился русский цыганский романс и что он из себя представляет? После приезда валашской капеллы, в XIX веке хоры московских и петербургских цыган стали развивать жанр „транскрипции“ русской народной песни и характерного стиля исполнения городского романса. Этот процесс проходил под влиянием стиля и эстетики русского романтизма, национальной культуры и жизни в городской среде. На протяжении XIX века цыганский романс был неизменной частью богемной жизни России. Хотя на рубеже XIX–XX веков казалось, что благодаря выходу на эстраду эта вокальная форма достигла своей вершины, русский писатель Александр Иванович Куприн в своем знаменитом эссе о цыганской песне *Фараоново племя* (1911) написал, что она постепенно угасает и выходит из моды [5]. Слова А.И. Куприна возможно и сбылись бы, не начнись Первая мировая, а затем и Гражданская война, которые прервали естественное развитие русской культуры. В эмиграции русская песня и цыганский романс стали одним из знаменательных носителей национальной идентичности эмигрантов. На европейской сцене появились художники, которыми публика непрерывно восхищалась: Юрий Спиридонович Морфесси, Александр Николаевич Вертинский, Надежда Васильевна Плевицкая, Изабела Яковлевна Кремер (Иза Кремер) и многие другие. Любовь к наследию и традиции сохранилась и у потомков эмигрантов, которые на протяжении десятилетий после окончания Второй мировой становились знаменитыми исполнителями этих жанров в Европе.

Старые русские песни и цыганские романсы „жили“ в Белграде благодаря „своим“ эмигрантам, гастролям в эмигрантских кругах и личным знакомствам, а также благодаря деятельности театрально-концертного агентства „Югоконцерт“, которое вывело цыганские романсы

за пределы ресторана на концертный подиум, придав им эстрадный характер. Исследования, правда, не очень углубленные, показали, что русскому романсу стоит посвятить особое внимание потому, что он был неотъемлемой частью городской народной музыки в Сербии, и именно благодаря белой эмиграции. Большое влияние на исполнение старгородской музыки оказала Ольга Петровна Янчевецкая [21, с.34]. По приезде в Белград, Янчевецкая выступала в таких выдающихся ресторанах как *Славия*, *Загреб*, *Казбек*, *Мимоза* и *Балалайка*. Публика с большим нетерпением ждала ее выход в цыганском платье, и слушая исполнение ее „фирменных“ номеров – *Очи черные*, *Прощай* и *Ей, шарабан*, била бокалы и кутила [20, с.21]. Рассказы, которые младшим поколениям довелось слушать в следующих о темпераментной русской певице, из-за которой „благовоспитанные“ господа кутили в *Казбеке* или *Рояле* и били хрустальные бокалы, или даже стреляли из пистолетов в *Русской лире*, свидетельствуют о степени экзальтации, которой сопровождалось выступления Ольги Янчевецкой.

Заключительные рассуждения

Тесно связанные с динамикой развития общества рестораны являются важной частью повседневной жизни социума. Приезд русских эмигрантов в Белград, вне всякого сомнения, внес новую энергию в его динамику, освежив новыми формами разгульных кабачных развлечений. Цыганский романс, оркестры балалаек, „серьезная“ художественная музыка, театральная миниатюра, скетчи и пародии, оперетты – из-за разнообразия трудно сделать полный перечень всего того, что составляло программы в ресторанах и с чем мы встречались пока листали периодические издания того времени. О каждодневном разнообразии музыкальных программ наглядно говорят объявления в русских газетах. Во время своего пребывания в Белграде под конец 1929 года, знаменитый русский эстрадный и оперный певец

Ю.С. Морфесси ежедневно выступал в русском ресторане „Мон Репо“ который находился на Дворской улице (Дворска 1). Кроме его выступления, в программе были балетные номера, хоровое пение, играли два оркестра – оркестр балалаек и „джаз“ оркестр.²⁹ Такая коллажная программа показывает, что на каждый вкус найдется что-нибудь подходящее и никому не будет скучно, сколько бы ни длилась программа.

Когда дело касается русских ресторанов и музыкантов межвоенного Белграда надо иметь в виду две вещи. Во-первых, их существование и деятельность поощряло материальное положение русских, особенно в начале двадцатых годов, когда они оказались в новой и незнакомой среде. Во-вторых, в столице они были довольно экзотическим явлением, а для своих соотечественников – сохранением памяти о прошлом и сохранением чувства принадлежности. Это было время, когда белградское общество испытывало все большее западное влияние, когда популярность приобретал джаз, а танцевали шимми, чарльстон, фокстрот и танго. И все же, разгул, сопровождаемый цыганскими романсами и игрой на балалайках, встряхнул и изменил ночную жизнь межвоенного Белграда, и это в последующих десятилетиях стало одной из отличительных черт города.

Литература

1. Васильев А.А., Лопато Л.И. Царица парижских Кабаре. М.: Альпина нон-фикшн, 2011.
2. Гиляровский В.А. Москва и москвичи: Очерки старомосковского быта. М.: Советский писатель, 1935.
3. Добродомов И.Г. Из истории изучения тюркизмов русского языка // Тюркологический сборник 1977. Москва: Наука, 1981. С. 90–108.

²⁹ Русский ресторан Мон Репо // Новое время. №2543. 20 октября 1929. С. 4.

4. Косик В. И. Русские краски на балканской палитре. Художественное творчество русских на Балканах (конец XIX – начало XXI века). М.: Институт славяноведения РАН, 2010.
5. Куприн А.И. Фараоново племя // Синий журнал. № 38. 1911.
6. Петровская И.Ф. Музыкальный Петербург, 1801–1917: Энциклопедический словарь-исследование. Т. 11. Кн. 2 (М–Я). СПб.: Композитор, 2010.
7. Прыжов И. История кабаков в России в связи с историей русского народа. Санкт-Петербург–Москва: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1868.
8. Рыбинский, Н. Русские в Югославии. По чужим краям // Иллюстрированная Россия. №15. 9 апреля 1932. С. 12–17.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 (Е–Муж), перевод и дополнение О.Н. Трубачёва, 2-е изд. М.: Прогресс, 1986.
10. Щербакова Т.А. Цыганское музыкальное исполнительское творчество в России. М.: Музыка, 1984.
11. Белингар Б., Мијатовић Б. Илустрована историја београдских кафана. Од Турског хана до Аеро клуба. Београд: Архипелаг, 2018.
12. Berendt J.-E., Huesmann G. The Jazz Book: From Ragtime to the 21st century. Chicago: Lawrence Hill Books, 2009.
13. Vesić I. The role of Russian emigrants in the rise of popular culture and music in Belgrade between two world wars // Beyond the East-West divide: Balkan music and its poles of attraction. Edited by Ivana Medić and Katarina Tomašević. Belgrade: Institute of Musicology, 2015. С. 103–117.
14. Vuksanović-Macura Z. Život na ivici: stanovanje sirotinje u Beogradu 1919–1941. Beograd: Orionart, 2018.
15. Gojković A. Focal Points of Gypsy (Romany) Music // New Sound. № 11. 1998. P. 23–31.
16. Gojković A. Romi u muzičkom životu naših naroda // Zvuk. № 3. 1977. С. 45–50.
17. Голубовић В. Механе и кафане старог Београда. Београд: Лагуна, 2019.
18. Голубовић В. О настанку и називима механа и кафана старог Београда // Теме: часопис за друштвену теорију и праксу. № 3. 2010. С. 991–1010.
19. Димитријевић К. Краљица руске романсе. Животна исповест госпође Олге Јанчевецке. Београд: Стручна књига, 2003.

20. Думнић В. М. Звуци носталгије: историја староградске музике у Србији. Београд: Чигоја–Музиколошки институт, 2019.
21. Думнић В. М. Староградска музика у Србији: наслеђе, стваралаштво, рецепција // Уметност и култура данас: Уметничко наслеђе, савремено стваралаштво и образовање укуса. Уредила Данијела Здравих Михаиловић. Ниш: Факултет музичке уметности, 2018. С. 71–80.
22. Ђорђевић Д. Б. (прир.) Кафанологија. Београд: Службени гласник, 2012.
23. Ђорђевић Т. Цигани и музика у Србији // Босанска вила. № 3–6. 1 фебруар 1910. С. 75–81.
24. Јоксимовић Б. Свирачи у Србији // Музички гласник. № 9. 1922. С. 2–3.
25. Кнежев Д. М. Београд наше младости 1918–1940. Београд: Филип Вишњић, 2001.
26. Нушић Б. Стари Београд (из полупрошлости). Београд: Просвета, 1984.
27. Пауновић С. Певачи и музичари // Београд у сећањима 1930–1941. Приредио Милан Ђоковић. Београд: Српска књижевна задруга, 1983. С. 80–88.
28. Станојевић М. Институција кафане и развој модерног друштва // дипломски рад. Филозофски факултет. Одељење за социологију. Београд, 2009.
29. Стојановић Д. Калдрма и асфалт: урбанизација и европеизација Београда 1890–1914. Београд: Удружење за друштвену историју, 2017.
30. Стојановић Д. Кафане као темељ цивилног друштва у Србији крајем 19. и почетком 20. века // Кафанологија, приредио Драгољуб Б. Ђорђевић. Београд: Службени гласник, 2012. С. 43–54.
31. Стојнић М. Руска емиграција међу нама // Руси без Русије–српски Руси. Приредио Зоран Бранковић. Београд: Дунај, Беоцин: Ефект, 1994. С. 9–24.
32. Фотић А. (Не)спорно уживање: појава кафе и дувана // Приватни живот у српским земљама у освит модерног доба. Приредио Александар Фотић. Београд: Clio, 2005. С. 261–301.